

*Вон замок стоит на вершине
Среди гранитных скал.
Под сводами башен высоких
Он рыцарей встарь укрывал.*

Иоганн Вольфганг фон Гёте,
«Горный замок»

Глава I

Мост, пес и замок

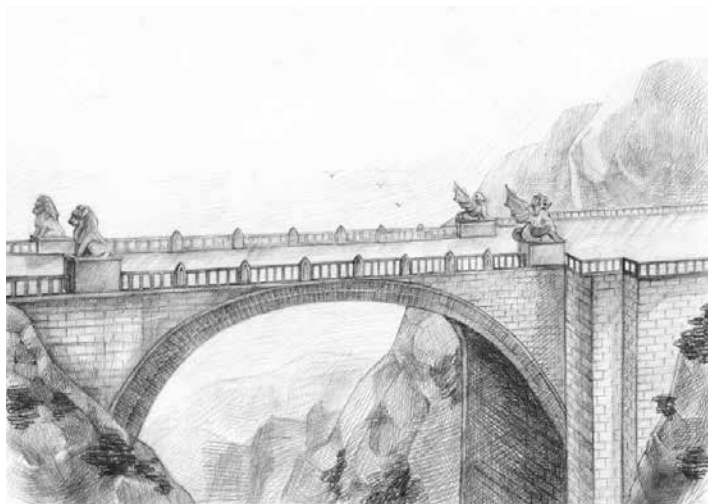
...Резкий хрип старика оборвал голоса в гостиной — звук стал полной неожиданностью для всех. Его дрожащие пальцы хватались за горло, но судорожные попытки сделать вдох были обречены, и тело с шумом рухнуло на ковёр.

Тишина, ставшая на миг оглушительной, взорвалась криками. Все бросились к профессору Шульцу. Один перевернул тело, другой разорвал ворот рубашки. Женские руки опустились на его грудь, пытаясь заставить работать остановившееся сердце, сосредоточенно делая уже, по сути, бесполезную работу...

...за семь часов до этого...

— Какая красота!

Люди вышли из машин и зачарованно смотрели на каменный мост, перекинувшийся через глубокую расщелину. Время стёрло из памяти

людей, кто и когда построил это чудо. Сотни жизней, годы пота и крови... и всё в итоге затерялось на страницах истории. Мост охраняли скульптуры львов и горгулий. Всё дышало средневековьем, словно то далёкое время навсегда застыло в камне. Мост производил впечатление. Да... сейчас такого уже не строят: спешат побыстрее сделать нечто безликое, дорогу в никуда, не вкладывают ни во что душу. А здесь ощущалось время, навсегда ушедшее, но оставившее свой след.

Мощные скалы, отшлифованные ветром, напоминали, как надо строить. Однако прошлое есть прошлое, его не вернёшь. Сам мост, казалось, говорил любому, кто вступал на него: «Стоял, и так будет всегда». Львы, одинокие стражи, приглашали остановиться, постоять, рассказать о своей дороге, давали разрешение взойти

на вековые камни, оставить свой пыльный след, а горгульи нехотя отпускали беспокойного гостя, и путник ещё долго чувствовал их укоризненный взгляд в спину. Ниточка тянула назад, а потом мгновение — и она разрывалась, очарование отпускало, и человек чувствовал себя свободным, а мост обиженно сопел за спиной.

— Удивительно, как все сохранилось.

— Господа, поехали, нас ждут в замке!

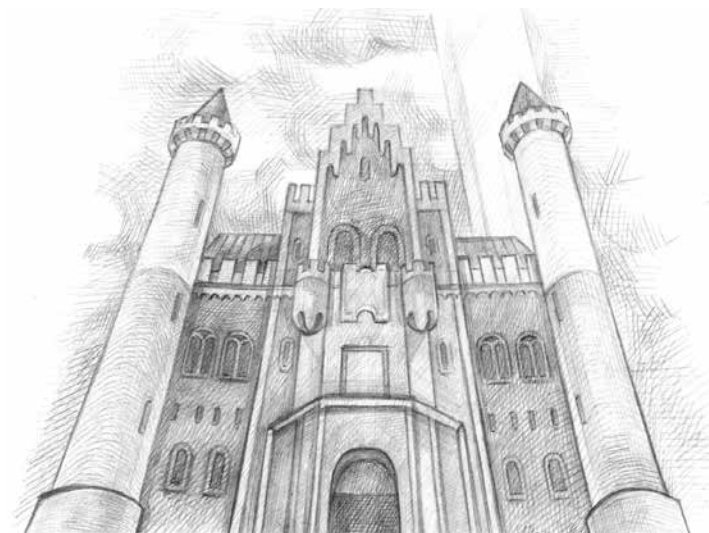
После моста дорога резко уходила в лес. Чувство вины после расставания с мостом ещё не успевало утихнуть, а путник уже спешил чуть вверх по окраине холма к замку. Лес не был тёмным, зловещим и сумрачным — скорее, лишь немного смущённым. Он не из тех, кто не пускает в своё чрево. Нет. Лес зовёт, приглашает как радушный хозяин. Он втягивает в себя, и путник без страха принимает это приглашение.

Лес хочет прихвастнуть, показать себя в лучшем свете, отдать всё, чем владеет. Главное богатство леса — всюду проникающий свет. Отдавая каждый лучик, что пробился сквозь листву деревьев и лапы елей, он хитрит, играет, переливается. Он жаждет, чтобы путник увидел его, прикоснулся к нему, он зовёт дальше, обещая гармонию и красоту. Свет в лесу — словно яркий мыльный пузырь, который надул ребёнок. Переливается, подставляет свой бочок, и когда тянешься к нему, чтобы физически ощутить красоту и настроение, он весело лопается, оставляя на коже ощущение лёгкой прохлады. Радость соединяется с восторгом от звуков птиц, они оглушают, радуются твоему появлению. Воздух

вкусен, как маленькая застывшая капелька мороженого на языке. Хочется её раскусить, насладиться ощущениями из детства. И все равно мало: надо дышать и пьянеть от нахлынувших чувств. Позже приходит аромат леса. Он как дорогие духи: сначала слышится нотка хвои, потом приходит лёгкий флёр слегка мокрой от росы листвы, и так по нарастающей, пока не обрушится на тебя целиком и не накроет волной ароматов трав, ягод и деревьев. Созданная гармония из света, звука и запаха леса вливается в тебя, обволакивает и уже не отпускает.

Родовой замок баронов фон Тодлебенцов открывался взору людей неожиданно, словно пелена спадала с глаз. От этого он ещё больше поражал своей красотой. Он, как и лес, не отталкивал своей мощью, а наоборот, приветливо приглашал в гости. Купаясь в лучах света, игриво пускал солнечные зайчики витражными стёклами. Башни стремились к небу, словно пытались оторваться от земли. Над воротами камнем была выложена полустёртая фраза на латинском языке — по всей видимости, гордый фамильный девиз хозяев цитадели.

Стены замка отлично сохранились, несмотря на свой почтенный возраст и многие войны, прошедшие на этой земле за столетия. Все говорило о старине: плющ, обвивающий башни, мох, пробивающихся меж серых камней. Но старина эта была благородной, она не напоминала старуху, осыпающую себя пудрой в тщетной надежде вернуть давно увядшую молодость, это был опыт, убелённый гордой сединой. Мощь,

красота и лёгкость. С таких замков рисуют полотна, и зрители застывают перед картиной, пытаясь осознать и принять величие твердыни.

Машины заезжали во двор замка одна за другой. Гости высыпались из них, словно горошинки из созревшего стручка. Эмоции били через край. Каждый хотел выразить словами свои впечатления от величия моста, ароматов леса и красоты замка, быстрее поделиться своими ощущениями. Но все терялись в словах и просто стояли, смущённо улыбаясь.

Баронесса Анна приветствовала гостей. Каждый раз ей было очень приятно, что мост, лес и замок производят такое сильное впечатление на людей.

На правах хозяйки замка баронесса Анна фон Тодлебен представляла прибывших го-

стей друг другу. Анна была из тех женщин, которые обладают холодной красотой немецкой аристократии. В свои сорок лет она выглядела превосходно: высокая, стройная с правильными и красивыми чертами лица. Она была похожа на высеченную из льда скульптуру. При знакомстве с этой необыкновенной женщиной казалось, что её сдержанность лишь дань этикету, и тепло человеческого общения обязательно растопит суровый лёд сердца... но эта надежда так и оставалась надеждой. Хозяйка замка сочетала в себе радушие и гостеприимство с немецкой практичностью. Она умела держать на расстоянии любого, и гость всегда осознавал, что перед ним аристократка.

— Представляю вам барона Курта фон Тодлебена, племянника моего покойного мужа Генриха. Некоторые из вас с ним уже знакомы. Он специалист по геральдике, занимается вопросами, связанными с историей аристократии Германии. Всё что касается гербов, девизов, титулов и возникновения родов аристократии в Европе — его хлеб.

Барон Курт слегка поклонился. Молодой человек двадцати восьми лет характеризовался как умный и терпеливый, очень внимательный к мелочам, аккуратист, что неудивительно для его профессии, где каждая мелочь играла ключевую роль. Но лёгкий нрав и насмешливость в разговорах перечёркивали образ научного сухаря-затворника.

— Позвольте представить фройляйн Астрид Ригер, знаменитую художницу, автора замко-

вых пейзажей. Она не устояла перед просьбами барона Курта и любезно согласилась приехать в наш замок. Возможно, в будущем на свет появятся прекрасные картины, на которых будет запечатлён наш замок, — баронесса Анна представила смущённую девушку.

— До знаменитой художницы мне ещё далеко. Всем добрый день.

Девушка лет восемнадцати, от неё исходила аура света. Открытый добрый взор карих глаз, длинные русые волосы, заплетённые в косу, небольшой рост, высокая грудь притягивали внимание мужчин, а улыбка располагала к общению. Она всегда помогала другим искренне, не задумываясь о трудностях и награде.

— Барон Вильгельм фон Тодгрейфф.

Мужчина с мудрым взглядом человека, который многое испытал в жизни. В нём чувствовались отвага и мужество. Он слегка кивнул всем:

— Добрый день, — голос был чуть с хрипотцой, но приятный.

— Мировая знаменитость в автомобильном спорте Курт Адольфф. Ему надо набраться сил перед новым сезоном. Друг и партнёр в мире скорости господина Отто.

В гонщике ощущалась смелость и сила, но взгляд его был какой-то потерянный, он словно утратил самого себя.

— Господин Отто фон Гальбах. Давний друг нашей семьи.

Полный, добродушный, весёлый человек. Он был как источник неиссякаемой энергии и радовался жизни каждую минуту. Очень

любил общество красивых и знаменитых женщин. Но взгляд дельца, который купит человека оптом дёшево, а продаст по крупницам дорого, заставлял задуматься о его искренности. Он был одним из самых богатых людей Европы. Слова «нет» для него не существовало. Такие отдают приказ и получают всё, что им надо. Опасный человек.

— Господин Отто, представьте своих друзей, — попросила баронесса.

— С огромным удовольствием. Само провидение позволило мне познакомиться с очаровательной актрисой Эдной Дворак. Мировая знаменитость кино. Талант, который невозможно постичь. И, конечно, красота, — магнат рассыпался в комплиментах.

Актриса перехватила инициативу. Блистательная кинодива, женщина, уверенная в своей красоте и таланте. Королева, окружённая свитой, всегда находилась в центре внимания.

— Это мой продюсер, господин Питер Уэйд, он решает всякие скучные финансовые дела, — снизошла до представления своего спутника актриса.

Продюсер Уэйд был неприятным скользким типом. Особенно бросался в глаза постоянно бегающий липкий взгляд вора, который размышляет лишь о том, как бы что украсть, и сколько это будет стоить.

— Представляю господина Анри Труа. Модельер, законодатель мировой моды, его работы весьма необычны, — продолжила баронесса Анна.

Анри Труа был несуразным. Всклоченная причёска придавала ему шарм человека иску-

ства. Седой старик с молодым задорным взглядом. Он обладал прекрасным чувством юмора и ко всему относился несерьёзно.

— Моя незаменимая помощница Грета ван дер Билт, — сказал модельер с лёгким французским акцентом. — Именно ей я обязан жёсткому распорядку дня. Представляете, она постоянно будит меня в девять утра, я не успеваю выспаться... — с притворной грустью вздохнул француз.

— В девять — это не рано, а поздно, — строго заметила Грета. — Надо ложиться спать вовремя. Дай вам волю, вы просыпались бы в полдень!

— Но я человек искусства, творческая личность! Вдохновение ко мне приходит ночью! — на лице модельера отразилось возмущение. — Меня нельзя ограничивать рамками времени! Спросите фройляйн Астрид, она художник и сможет всё объяснить.

— Я встаю очень рано. Моя муза — это утренний свет, — смущённо сказала Астрид.

— Слышите, шеф? Художникам не надо спать до полудня, чтобы создавать шедевры, как вы утверждаете.

Модельер улыбался и вздыхал, показывая всем видом, как сильно он страдает от тирании своей помощницы. Девушка была сама элегантность: прямая спина, всегда уложенная причёска, открытый и волевой взгляд, собранность в делах. Она всегда помнила любые мелочи и с удовольствием указывала на них шефу. Могла решить любую проблему. У неё была лишь одна слабость — загадочные мистические истории Агаты Кристи.

— Разрешите представить семью баронов фон Либенсбахов: барон Карл и его дочь Эльза с супругом Эриком, — произнёс барон Курт.

Пожилой барон Карл выглядел человеком, уставшим от жизни, который словно всё время несёт на себе огромный мешок с тяжестями и ждёт, когда уже всё это закончится.

Эльза фон Либенсбах. Молодая красивая женщина. Каштановое каре обрамляло лицо ангела, но во взгляде таились тоска и разочарование. Её движения демонстрировали любовь и заботу к отцу.

Её муж Эрик, напротив, был ко всему холоден и равнодушен. Брезгливая маска на его лице отталкивала от себя, хотелось скорее отойти и больше не подходить к этому человеку.

— Странно, почему профессор Шульц с ассистентом Клаусом Петерманом не приехали? — озадаченно произнесла баронесса Анна.

— Они задержались в гостинице. Господин учёный в очередной раз что-то забыл, поэтому им пришлось вернуться. Я уверен, что они скоро будут, — весело сообщил Отто.

— Ох уж эти люди науки, они такие рассеянные! — баронесса вздохнула и обратилась к гостям: — Хорошо, тогда прислуга проводит вас в ваши комнаты, вещи уже там. Добро пожаловать в родовую замок баронов фон Тодлебенев! Надеюсь, вы хорошо отдохнёте в эти несколько дней, а также по достоинству оцените красоту замка и этих мест. Ужин будет подан в семь часов. Отдохните с дороги. Если что-то понадобится, обратитесь к слугам, они всё сделают. А сейчас

прошу меня извинить, кое-что необходимо дополнительно подготовить и проконтролировать.

Баронесса Анна ушла, на ходу раздавая указания слугам об ужине и размещению гостей. Все прибывшие гости неспешно потянулись в замок.

— Как всегда всё чётко и ясно, — улыбнулся Отто фон Гальбах.

— Вы давно знакомы с баронессой? — спросила актриса. Она была расстроена, что всё внимание досталось хозяйке замка.

— Конечно, я помню её девушкой со смешными косичками. Я хорошо знал её дядю Эрнста фон Вайцзеккера. Ещё до войны. Поэтому, когда оказался в этих краях, не удержался и созвонился по телефону с баронессой. Попросил организовать отдых на несколько дней для нас всех. Думаю, что в таком замечательном месте это будет кстати. Ну а я смогу поближе познакомиться с красивой талантливой... — его глаза заблестели, — ...госпожа Эдна, вы само совершенство!

Актриса с улыбкой приняла комплименты от мужчины.

— Само провидение столкнуло вас с господином учёным на корабле. Хорошо, что я лично решил его встретить в порту. А тут вы — спускаетесь по трапу. Ошеломление! Богиня сошла на эту грешную землю! Я не смог устоять перед вашей красотой и не познакомиться с вами. Надеюсь, вы простите мой внезапный порыв?

— Вы появились так стремительно... Мне нравятся решительные мужчины. Хотя, признаюсь, предложение отдохнуть в замке было очень неожиданным.

— Я уверен, что вы не пожалеете. До встречи за ужином. А я займусь скучными переговорами, мне необходимо сделать много важных звонков.

— Ну вот, мужчины всегда погружены в работу, — Эдна надулась. — Кто только что говорил про отдых?

— Дела не оставляют ни на минуту. Но вечером я буду в полном вашем распоряжении.

— Хорошо. И не забывайте о своём обещании.

Актриса с продюсером отправилась в свою комнату. Уйд что-то недовольно выговаривал Эдне, но она просто отмахивалась от него. Отто фон Гальбах ушёл в кабинет баронессы и, воспользовавшись с её разрешения телефоном, полностью погрузился в рутину звонков, переговоров, распоряжений и отчётов.

Гости обустроивались в своих комнатах. Актриса готовилась поразить всех за ужином. Продюсер постоянно что-то говорил, смешно перекатываясь коlobком вокруг неё. Она не обращала на него никакого внимания, чем ещё больше его раздражала. Курт Адольфф предавался размышлениями, прогуливаясь в окрестностях замка. Астрид Ригер осматривала панораму, пытаясь найти место, с которого лучше всего могла раскрыться душа цитадели.

Семейство фон Либенсбахов ходило по замку с Куртом фон Тодлебенем, внимательно слушая историю замка и разные легенды, связанные с его родом. Он настолько весело и увлечённо рассказывал, что невольно заставлял слушателей погружаться в эпоху средневековья. Старый барон Карл с интересом рассматривал убранство

замка. Эльза внимательно слушала и иногда задавала вопросы. А вот Эрику было невыносимо скучно следить за пыльными историями барона.

Барон Вильгельм фон Тодгрейфф присоединился к группе несколько позже, услышав эхо разговора в коридорах замка. Его больше интересовали гравюры, которые он нашёл в библиотеке, но и старинные родовые легенды были ему весьма интересны. В его роду также было немало загадок и странных событий.

Профессор Шульц с помощником Клаусом прибыли намного позже всех. Дворецкий извинился, что хозяйка не смогла лично поприветствовать уважаемых господ, сообщил, что ужин в семь, и проводил гостей в комнаты. На все приветствия дворецкого учёный лишь покивал головой, занятый своими мыслями, что-то постоянно записывая на ходу в блокнот.

Анри Труа со своей очаровательной помощницей Гретой забрались на площадку сторожевой башни и осматривали виды, обрамлённые в лучи дневного солнца. Модельер тихо говорил, помощница уточняла и записывала.

Замок наполнялся энергией и лёгкой суетой.

Глава II

Ужин в замке

Замковая столовая начала заполняться гостями. Без одной минуты семь прибыли Вильгельм фон Тодгрейфф и семейство фон Либенсбахов в полном составе, застав в просторном зале барона Курта фон Тодлебена, общающегося с фройляйн Ригер. Художница пришла первой — она не любила, когда её ждут.

— Астрид, мне так жаль, что утром случилось недоразумение. Каждый год кладка в стенах замка проверяется, но дождь, ветер, морозы выкрашивают раствор из стен. В этом году рабочие уже проверяли надёжность стен. Странно. Не могу поверить, что камень мог выпасть из кладки, — барон был очень расстроен.

— Не стоит извиняться, это не ваша вина. Такое иногда случается в старых замках. Я немного испугалась, но сейчас всё хорошо. Очень люблю рисовать рано утром, а оттуда открывался прекрасный вид на замок.

— Вы могли пострадать. Камень упал рядом с вами. Надеюсь, замок не будет вызывать у вас чувство страха и неприязни.

— Что вы! Он чудесен, а утро вдохновляет взять кисти и запечатлеть на холсте всю красоту этих мест. На вечерней картине я обязательно напишу замок немного уставшим, заслужившим отдых в лучах заходящего солнца. Также у меня уже есть идеи на утреннюю и дневную панораму.

— Мне очень нравится ваша идея рисовать замковую архитектуру в разное время суток. У каждой картины получается свой характер. Вы очень талантливы.

— Вы слишком добры к моим работам, — смущение отразилось на лице художницы.

Дворецкий Людвиг объявлял каждого входящего. Встречала баронесса Анна. На ней было элегантное вечернее платье, а фамильные драгоценности подчёркивали её холодную женскую красоту. Она сдержанно приветствовала гостей. Опоздав всего на минуту, пришли модельер с помощницей. За ними появился магнат, о чём-то беседующий с гонщиком. После всех, с опозданием на десять минут появилась она, Само Совершенство — Эдна Дворак в сопровождении своего продюсера. Женщина специально опоздала, чтобы произвести впечатление на всех своим эффектным появлением. Надо сказать, ей это удалось. Взгляды мужчин сразу оказались прикованы к ней. Глубокое декольте актрисы отрывало взорам прекрасные формы души и таланта. Они были настолько прекрасны, что мужчины хотели своим взглядом постичь и то и другое.

Наверное, так природа и создала гармонию: спрятав в правой душу, а в левой талант. Эдна пронесла мимо мужчин своё богатство плавно и слегка покачивая. Не зря она столько времени потратила на свой внешний вид. Астрид, Грета и баронесса Эльза невольно сморщились от такого поведения актрисы. Она с вызовом посмотрела на девушек и, качая бёдрами, прошла к своему месту. Питер Уэйд подошёл к баронессе Анне и что-то тихо начал ей объяснять. По постепенно увеличивающимся зрачкам хозяйки замка было видно, что она сильно удивлена сказанным, но быстро взяла себя в руки и холодно кивнула продюсеру.

Ассистент учёного влетел в столовую запыхавшись, на ходу произнося извинения. Внимание гостей сразу переключилось на него. От такого поворота событий актриса закусил губу от злости — она не успела в полной мере насладиться абсолютным вниманием мужчин. Её взгляд на Клауса не предвещал тому ничего хорошего. Он и не подозревал, что приобрёл смертельного врага в её лице. Столько готовиться, а внимания к ней — всего на минуту, и всё из-за опоздавшего юноши! Compliments магната и его навязчивые ухаживания никак не помогали смягчить актрису.

Анна окинула взглядом гостей и заметила, что один человек отсутствует — профессор Шульц.

— Людвиг, найдите господина учёного и напомним ему, что его ждут к ужину, — холодно обратилась она к дворецкому.

— Да, госпожа баронесса, — дворецкий склонил голову и ушёл искать рассеянного старика.

— Господа, прошу рассаживаться, ужин сейчас подадут. Надеюсь, господин Шульц придёт достаточно быстро и успеет насладиться хотя бы десертом, — сарказм сочился из каждого слова баронессы.

Все оживлённо начали рассаживаться — на местах предусмотрительно были разложены карточки с именами. Все обсуждали, что неумение следить за временем свойственно людям увлечённым и творческим.

— Господин Шульц, — громко объявил дворецкий.

Все инстинктивно оглянулись в сторону входа. Баронесса Анна начала поворачиваться, чтобы поприветствовать профессора и неожиданно столкнулась с ним. Женщина вскрикнула и едва не упала. Шульц стоял оглушённый и не мог произнести ни слова. Спустя мгновение баронесса пришла в себя, взяла эмоции от испуга под контроль и спросила, не ушибся ли профессор. Учёный, чувствуя всеобщее внимание, растерялся ещё больше и начал бормотать оправдания: что он виноват, когда налетел на баронессу, и что он заблудился в замке и потому опоздал, и что будет в следующий раз более осмотрительнее. Сильно смущаясь, Шульц пошёл занимать своё место за столом.

Столовая замка производила монументальное впечатление. Высокие сводчатые потолки, окна, украшенные средневековыми витражами, отделка деревом создавали ощущение безопасности и уюта. Замок не угнетал, не заставлял гостя чувствовать себя мелким

и никчёмным во всём этом великолепии. Человек и замок были равными партнёрами в этом танце. Он был построен во времена средневековья, когда мрачный готический стиль постепенно уступал весёлому жизнерадостному барокко, начинавшему всё крепче оседать в душах архитекторов. Дубовая мебель столовой была по итальянской традиции изящна, а люстры со свечами подчёркивали дух рыцарства и глубокую старину.

Ужин прошёл в непринуждённой обстановке. В начале Анна коротко поблагодарила гостей за принятое приглашение посетить её замок, на что Отто в ответ также сказал несколько дежурных фраз о прекрасной хозяйке, потрясающем месте отдыха и блистательном обществе. Когда с формальностями было покончено, все не спеша приступили к ужину. Приглашенные разговоры сидящих за столом прерывались молчанием, когда гости с удовольствием пробовали блюда, которые сменялись одно за другим. Магнат рассыпал комплименты актрисе, которая постепенно отходила от плохого настроения и всё чаще улыбалась собеседнику. Было видно, что она не против ухаживаний. Астрид больше молчала, лишь изредка отвечая баронессе Эльзе, и смущалась, когда чувствовала взгляд Вильгельма фон Тодгрейффа, сидящего напротив. Барон иногда наводил на неё задумчивый, но недолгий взгляд, укладывающийся в рамки приличий. Старый барон Карл вёл обычную светскую беседу с Анной. Анри и Курт с двух сторон дружно шутили и пере-

кидывались фразами, а Грета, сидящая между ними, только успевала крутить головой, поочерёдно даря внимание разошедшимся мужчинам. Профессор Шульц, сидящий напротив, иногда хотел вмешаться в любопытный разговор, но мужчины были настолько увлечены, что кроме Греты и своей пикировки не замечали никого вокруг.

Так за весёлыми разговорами прошёл ужин. Настроение у всех было приподнятое. Гости попросили передать повару свои благодарности за прекрасный ужин и изысканный вкус блюд, после чего все поспешили перейти в гостиную.

Гостиная походила по своему образу на столовую замка. Удобные кресла в стиле барокко, огромный ковёр на каменном полу, приглушавший шаги гостей. Мягко утопая в ворсе, они словно вступили на лесную поляну, покрытую мелкой сочной травой. Вечерние лучи заходящего солнца добавляли цветных бликов через мозаику окон. Аромат свечей, которые были зажжены слугами, добавлял таинственности в обстановку, и все эти мелкие детали вместе с хорошим настроением создавали непринуждённую вечернюю атмосферу для разговоров.

Слуги подали кофе и коньяк. Мужчины раскуривали сигары.

— Баронесса, скажите, правда ли, что ваш муж погиб в застенках гестапо? — вопрос Уэйда прозвучал резко и неожиданно.

В наступившей тишине было слышно, как часы пробили девять. Баронесса Анна с каменным лицом тихо, но чётко произнесла:

— Да, муж был арестован гестапо и осенью сорок четвёртого года его казнили в тюрьме Плётцензее.

— Он был предателем Рейха?

Курт, видя состояние баронессы, поспешил вмешаться:

— Барон Генрих фон Тодлебен организовал покушение на фюрера летом сорок четвёртого. А предатель он нации или нет, рассудит время, — его голос дрожал от гнева.

Американец, впрочем, не замечал осуждающих взглядов:

— А почему замок не был конфискован? Все семьи участников заговора подверглись гонениям.

Анна растерянно смотрела на продюсера:

— Не знаю. Может, дядя помог, он занимал высокий пост в МИДе.

И тут баронесса словно опомнилась и зло посмотрела на Уэйда:

— А вы — положите на место то, что успели взять за ужином! И прямо сейчас!

Все с интересом посмотрели на американца. Смутившись, он выложил из кармана две серебряные десертные ложечки и три сигары из другого кармана.

Женщины ахнули.

— Объяснитесь, — потребовал барон Курт, угрожающе надвигаясь на продюсера.

— Ну, я... у меня болезнь... я случайно беру предметы и кладу их в карман.

— Господа, проверьте свои часы и портмоне. Вдруг он *случайно* взял, — барон подчеркнул это слово особой интонацией.

— Я не карманник, — взвился американец, — у меня такая болезнь. Клептомания. И я сам предупредил об этом баронессу перед ужином. Я не знаю, почему беру разные вещи. Просто иногда мне следует напоминать, и я добровольно их верну.

— Мы будем внимательно за вами приглядывать, а если что-то пропадёт, мы будем знать, у кого спросить.

Отто фон Гальбах вплотную подошёл к продюсеру и тихим голосом, который, однако, слышали абсолютно все присутствующие, произнёс:

— Немцы за последние годы многое пережили. И это время было не очень хорошим. Неприлично интересоваться тем, что было во время войны, да и после неё. Хотя вам, американцам, не понять, через что прошёл каждый немец.

Голос звучал спокойно, но мурашки пробежали по спине Уэйда.

— Я не хотел своими вопросами кого-либо обидеть.